

П П И Т Е Р Р О О И

Т Е Р Р П П И Т Е

Р Р П П И Т Т Е Р Р П

И Т Т Е Р Р П П И Т

Е Р Р П П И Т Т Е Р

П П И Т Т Е Р Р П П И

Т Е Р Р П П И Т Е

18+

Данила Трофимов

Питер Терпи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Трофимов Д. А.

Питер Терпи / Д. А. Трофимов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Корнею чуть больше двадцати. Молодой человек уезжает из Москвы в Питер в надежде, как это обычно и бывает, начать новую, полностью самостоятельную жизнь, но старая — не отпускает. Корней живёт в хостеле, и ему кажется, что болезнь, от которой он сбежал, теперь пройдёт сама собой, а люди, оставленные в столице, всё поймут и просто — простят. В хостеле на ресепшн Корней встречает девушку...

Питер Терпи

– ..и не получилось, представляешь, не получилось! – возмущался пиццер, раскатывая тесто.

– Да ладно, может, оно и не надо тебе, – успокоил Корней.

Уже почти никого из гостей, разошлись предпоследние пьяницы, и в зал вошла она – девочка. Хостес встретил её, предложил сесть за любой столик. Она выбрала тот, что стоял в самом центре.

– Меня зовут Корней, сегодня я буду вашим официантом, – сказал молодой человек, присаживаясь напротив неё. – Может, вы сразу готовы заказать напитки?

– У вас все официанты такие невежливые, – возмутилась девочка, – садятся вот так вот к посетителям и думают, что им всё можно?

– Извините, у нас так заведено. Могу встать.

– Ладно, уж потерплю. Если нальёшь. Водки. С апельсиновым соком.

Конечно, на вид ей было ни разу даже не восемнадцать, но чёрт дёрнул и Корней пробил ей столько водки, сколько она смогла выпить. Девочка сидела среди пустых идеально прибранных столов в красно-белую клетку, над ней висело долблёное каное. Девочка кивала в такт тихо-тихо игравшей «Невесте» группы «Мумий Тролль».

Круглое лицо, алая помада, неровно нарисованные стрелки на ресницах, голубые глаза, кажущиеся неестественно большими, чёрная майка с вырезом, чёрно-белая заколка с Микки Маусом, тугая юбка, белоснежная кожа и кукольные ножки-спицы, обтянутые шерстяными серыми чулками. Девочка как будто и не знала, как принарядиться, и решила выстрелить из всех пушек.

Усталый Корней, принимая очередной заказ девочки, садился напротив, показательно доставал блокнот и не записывал в нём ничего. Девочка неизменно произносила: «Водка и апельсиновый сок отдельно».

Веня, друг Корнея, работавший с ним в одну смену, проходя мимо девочки, всё время ухмылялся и за её спиной Корнею беззвучно проговаривал «налимонилась», сочувственно склоняя голову.

Без четверти ноль-ноль. Ресторан закрывается ровно в двенадцать. А девочка и не собиралась уходить. Она водила кончиком языка по верхним зубам, чуть раскрывая губы, смотрела в телефон и всё строчила кому-то сообщение за сообщением. Периодически отвлекалась, чтобы сделать глоток. У неё зазвонил телефон: один раз, второй, третий. Она всё хмурилась и сбрасывала. И вот снова ей кто-то позвонил, она улыбнулась и взяла всё-таки трубку, говорила громко, смеялась ещё громче, накручивая на пальчик единственную окрашенную в ядовито-зелёный прядь волос.

Корней снова подсел к девочке и спросил нетерпеливо:

– Мы скоро закрываемся. Я могу принести вам счёт?

– Что за фамильярность, почему ты меня выгоняешь?

– Касса закрывается, а ты у нас последний гость. – Ладно. Принеси последнюю водку. Вот деньги, – девочка швырнула на стол четыре оранжевых бумажки.

– Тут на неделю хватит, чтобы до поросычьего визга, – заметил Корней, взяв одну бумажку. – Остальное спрячь, девочка.

– Как ваше имя, сударыня? – спросил вдруг подошедший Веня.

– У девочки нет имени, – ответила девочка.

Веня рассмеялся:

– Хорошо-хорошо, но если хочется продолжения банкета – можем предложить отъехать в прекрасное пристанище для юных дев и их кавалеров.

– Это ужасно и мерзко, как тебе не стыдно, – выдавила из себя девочка, но, запнувшись, бодро произнесла, – а давай!

«Ты чего, она ведь ещё малолетка, зачем нам с ней связываться?» – говорил Корней Вене. «Там уж разберёмся, всё поймём. Дело сделано, Корнюшон, чего жалеть!» – парировал Веня.

И поехали. Завалились в такси, по пути заехали в магазин к знакомому азербайджанцу, который продал спокойно бутылку водки и два пакета апельсинового сока. Как зашли в квартиру, девочка сразу понеслась в туалет, её тошнило. В ожидании Корней и Веня сели на кухне. Когда девочка вышла из туалета, до ванной её кинулся провожать Веня. Он завёл девочку в ванную и за собой прикрыл дверь. Корней посидел немного, а потом хлобыстнул из горла водки и направился к ванной. Открыв дверь, он увидел, как Веня стягивает с девочки майку, и девочка вяло то ли сопротивляется, то ли ему помогает. У Корнея застучало в висках, в груди, внутри, внизу, он подошёл к девочке сзади как будто в тумане, положил ей руку на ягодицу, упругую и маленькую, и это его сначала испугало, хотя он уже не чувствовал себя собой, а потом вдруг разгорячился ещё больше, почувствовал, что горят щёки. Корней прижался к девочке сзади и поцеловал её в шею, а Веня сначала, как будто не замечая их, включил горячую воду, начал раздеваться и, раздевшись, поцеловал грудь девочки.

Втроём они оказались в комнате на огромной круглой кровати с зеркальным потолком и такой же гардеробной. Куда бы ни смотрел Корней, он везде видел три обнажённых тела, и все эти змеинные извивания казались чем-то ненастоящим, сценой из старомодного эротического фильма, плохо записанного на видеокассету. За тяжёлыми вздохами и постанываниями Корней слышал, как в ванной продолжала литься вода: мерно и безразлично.

Ту девочку звали Полина. Ты помнишь. Ты всё, конечно, помнишь. Знаешь лучше всех. Как можно забыть человека, с которым отношения начались так и растянулись вот уже на семь лет. Семь лет бок о бок, грудь к груди, губы в губы...

Твоя музыка кончилась. Ничто не было сыграно, записано, воспроизведено. Ты стёр её подчистую со всех жёстких дисков, флешек и облачных сервисов. Теперь ты – камень, тишина.

Но, пожалуйста, не пей. Времени и так слишком мало: сегодня проснулся как будто пьяный, в 7:32, от страшной головной боли, которая мучила и не пускала обратно в сон. Ты встал – грудь не хотела дышать. В ванной на полке рукой нашарил анальгин, закинул горькую таблетку, а она прилипла к нёбу, гадина, не хотела глотаться.

Вернулся в комнату – упал.

Проснулся потом, будто из комы вышел. Кома. В голове – пустота. Голова пытается надуться мыслями, но всё время сдувается – маленькая, бедненькая, где-то продырявилась, наверно.

Может, завтра само пройдёт.

А пока – снова упал.

Помнишь, ты никогда не умел копить деньги. Только вечером собрал чай – много-много разноцветных мятых бумажек – и тратил, тратил, тратил, покуда не оставалась одна жалкая бумажка, оранжевая. Всё спускал на себя, а делал вид, что на неё, но сейчас не о ней, а о тебе, а то если о ней говорить, то слишком тошно станет тебе.

В Питере – атмосферно. Там можно не только пить. Бывает такая погода... волшебная. Серые тучи, дождь стеной, хмуро-жёлто на улице. Ты снимаешь скрипучую однушку в центре. Ну, или комнату в хостеле. Смотришь на мокрый, почти коричневый асфальт, серое это небо, оно – мокрое, самое это небо, ты тянешь к нему пальцы, и оно тебя пускает на чуть-чуть – на, говорит, попробуй, какое я мягкое, да, мои облака такие приятные наощупь, да, тебе нравятся они?..

Вот развратница!

Ты любишь Санкт-Петербург. Заранее любишь, потому что предчувствуешь там любовь настоящую, которой никогда не знал. В Питере всё хорошо. Там можно, например, умирать от

рака. Долго и мучительно. Когда лежишь у подоконника в затхлой больнице под капельницей, не можешь двигаться уже – слаб, и только глазами хло-о-оп, хло-о-о-оп.

А можно и да – повеситься. Это всегда можно: когда грустно, можно вешаться. Это ещё Сергей Александрович по школьной твоей скудной программе знаемый, который «До свиданья, мой друг, до свиданья...», да чего уж говорить – знаешь всё сам, чай музыкант чуть-чуть, творческая личность.

Можно и просто в девочку питерскую влюбиться и потом к ней кататься, надеяться всё, верить всё в то, что любовь ваша будет только разгораться, и она ради тебя возьмёт да бросит свою эту питерскую жизнь и посвятит тебе всю себя. Или ты так сделаешь. Закрываешь глаза и представляешь: вот она – с большим носом и кривыми зубами, неидеальная, но красивая, девочка твоя, или не твоя девочка, а чья же, ну, как чья, ты же с ней не постоянно, а вдруг она там ещё с мальчиками всякими, ведь она такая – она тусовая, улыбочивая и разговорчивая. Ну всё, мысли спутались, как бы не сойти с ума тут.

Если и есть на свете страх у тебя, так это страх перед... перед всем страх есть, и он жить нормально не даёт, но больше всяких страхов – страх перед настоящей любовью. Ну, а смерть, чего смерть эта – тебе уже всё равно, боль – подумаешь, сегодня поболело, завтра, там, глядишь, и отпустит, а вот любовь – как маньяк какой-то, будет тебя преследовать, тянуть тебя за руку: нет, стой, иди сюда, смотри-ка, страдай.

Корней стоял у центрального входа в аэропорт «Домодедово» и всё думал, думал, думал...

Через несколько часов он уже летел над ночной Москвой, и земля московская прощалась с ним миллионами своих безразличных огней. Эти огни сливались в один большой глаз, который, подрагивая, смотрел пристально в небо.

Огонь московский – в этом огне и горит Корней сейчас, и никак не потушить. Всё горит, особенно когда засыпаешь надолго. «Надолго» – это часа на три: тело разом вспыхивает, и просыпается Корней в поту, корчится.

В «Пулково» разговорчивый таксист посоветовал один хостел задёшево с видом на Казанский собор. «Вези», – одобрил Корней. Действительно, дёшево, приятно.

Сам хостел запрятался в типичный питерский двор: грязный, пожухлый, застарелый, но живописный. Корней подошёл ко входу, дёрнул на себя неподатливую дверь и вошёл. Молодой человек сразу упёрся в винтовую лестницу, указатель на стенке сообщал – хостел на втором этаже. Корней начал подниматься и между этажами наткнулся на забитый книгами шкаф, на котором написано было «Bookcrossing». Взгляд почему-то зацепился за мамлеевских «Шатунов» с тремя чёрными силуэтами, как будто проткнутыми ножами, на обложке. Спотыкнувшись, Корней продолжил подниматься. На ресепшене его встретила миниатюрная девушка с кудрявыми русыми волосами.

– Здравствуйте, – начала она, хлопая глазами, – я могу помочь?

– Здравствуйте, я хотел бы у вас забронировать комнату.

– На сколько дней?

– Я не знаю. На неделю, а может, и на месяц, а может и навсегда.

– Мне бы хотелось, чтобы вы были чуть-чуть поопределённое, если можно.

– Давайте тогда комнату на дней тридцать.

– Хорошо, ладно. Хотите, у вас будет отдельная комната, это дороже на сто рублей в день.

– Хочу, давайте.

– Можно паспорт?

Корней дал документы, девушка заполнила бумаги, попросила подписаться. Корней оплатил проживание и получил ключ от комнаты.

– Я вас провожу, – сказала девушка доверительным голосом.

Они шли по узким зелёным коридорам.

Налево, два раза направо, осторожно, лестница, кстати, здесь с левой стороны – душевые, а чуть дальше, напротив вашей комнаты – кухня. Старайтесь много горячей воды не лить: бойлер медленно греет воду.

– Ну вот и пришли, – улыбнулась девушка, – если что-то будет нужно, я буду на ресепшене.

И ушла. Корней проводил её взглядом и открыл дверь. Комната показалась кем-то брошенной. Людей, живших здесь, словно застигли врасплох, им пришлось всё бросить, сигать в окно, чтобы удрать, – слишком много вещей: тихо работавший телевизор, на нём цифровые часы с красным циферблатом, холодильник с прислонённым к нему вертикальным пылесосом, пачка туалетной бумаги на шкафу, кружки, тарелки, вилки и фикус на подоконнике. Свалив с плеча рюкзак, Корней подошёл к кровати и упал.

Ты помнишь, когда в последний раз спал и видел сны? Ты падаешь на кровать, закрываешь глаза и ждёшь. А там – как повезёт. Если удаётся не думать, засыпаешь, но обычно – мысли: налетают и не дают уснуть, мухи-пули, от них постоянно приходится уворачиваться, всё-то они метят в голову, сквозь черепную коробку, прямо в мозг.

На часах 01:25. Интересно, когда не спишь, но лежишь в кровати – это считается как сон? «Тело отдыхает, – говорила мама, – так что даже просто лежать с закрытыми глазами есть смысл». Смысл? Просто не думать, не думай ни о каких смыслах, ни о чём таком. Не надо. Слушай тишину.

Представь что-нибудь хорошее. Вот ты сидишь на краю живописного оврага, за тобой шумит пшеничное поле, его щекочет ветер, и оно шевелится. Беззаботно так. Ветер приятный, он потрёпывает твои волосья на макушке. А перед тобой лес, и в этом лесу ты бродил ещё шпанёнком, с тобой бродила девочка, дурная, но славная. Старше лет на шесть, как её звать? Танька, Машка?.. У неё сейчас ребёнок, семья. Она родила. Кого-то родила на свет божий. И воспитывает. А раньше ходила с тобой по грибы и рассказывала всякие небылицы, мол, в лесу том, за речкой, ходит призрак попа. Поп церквушку в лесу отстроил, а потом в ней же и повесился. Смертью дышит тот лес за речкой. Грозный, могучий, широкий Попов лес.

Ну, вот. Опять задумался. А умереть это так же, как сон, или нет?.. Или там всё-таки ничего? Опять ты начал. Открываешь глаза, а на часах – 03:24.

Первые несколько дней Корней выбирался из комнаты только на кухню, обставленную по-икеевски пёстро и ладно. Налил воды из-под крана в стакан, висевший на решётчатой сушилке, выпил и вернулся в комнату лежать, молчать, не думать. На второй день, вечером, Корней открыл у себя в комнате холодильник и... ничего, кроме плесени чёрно-зелёной, не увидел, а потом опять лёг на кровать и лежал.

Утром третьего дня Корней проснулся и увидел девушку в дверях. «Красивая она. Наверное, не очень умная. – заключил Корней. – Интеллект обычно обезображивает лицо». Надел ботинки, накинул куртку и мимо девушки бочком, бочком... Вышел из хостела, желудок тревожно бурчал.

А была ли девушка?

Из подъезда – направо, в арку, потом опять направо, мимо Казанского собора, он стоит с левой стороны красивый, мимо кафе с красной вывеской «24», с правой стороны, загаженного. Корней зашёл в кафе с вывеской – «Шаверма».

– Одну, пожалуйста, – сходу попросил Корней, стараясь не обращать внимания на затхлый воздух.

Шаверму крутил молчаливый, но улыбчивый араб. На нём болтался засаленный фартук, он постоянно чесал живот, когда срезал мясо с гриля. Пока Корней ждал, в кафе зашёл мужик

и поздоровался за руку с арабом. Араб продолжил готовить, а мужик проследовал чуть вглубь забегаловки, под вывеску «Продукты». Араб вытащил лаваш, настругал овощей, намазал майонеза, кетчупа... Не в силах смотреть на процесс готовки, Корней зашёл в продуктовый отдел и купил колбасы с хлебом у того мужика, который здоровался с арабом. Вернулся обратно – араб ему шаверму и: «Стопсыят!» Дал. «От души!»

На улице снег с дождём. На улице жрать невозможно.

– Шаверма, шаверма, – приговаривал Корней, возвращаясь к себе домой по тому же пути: мимо вывески «24», мимо Казанского собора, налево, в арку, опять налево...

Корней вернулся в комнату и уселся есть. Укусил жадно, так, что смесь жира, кетчупа и майонеза капнула на пол. Корней накрыл пятно розовой бумажной салфеткой, которую заботливо положил араб в целлофановый пакетик с шаурмой. Чтобы не испортились, колбасу с хлебом Корней хотел убрать в холодильник, но внутри последнего, как сам Корней убедился, продолжала разрастаться обильно плесень. Хлеб кинул на холодильник, а колбасу решил за окно положить, на карниз.

На следующий день полил сильный дождь и смыл пакет с колбасой. Корней ел один хлеб и продолжал лежать на кровати, изредка выходя на кухню попить воды из крана. Вот и опять вышел, а на кухне – девушка с ресепшена.

– У вас всё в порядке? – спросила она.

– Да, спасибо, – ответил он, прислоняя губы к крану.

– Вижу, вы никуда не выходите.

– Нет, не выхожу пока.

– Болеете?

– Нет, просто не выхожу.

– У меня, у друзей, у наших постояльцев, будет квартирник. Все будут петь и пить. Хотите тоже?

– Спасибо, – поклонившись, ответил Корней и ушёл в комнату.

Вчера тебе приснился дед покойный, царствие ему небесное, хотел тебя отравить. Пришли в твой дом люди, пошляки страшные, учинили на кухне разврат, ты их пытался прогнать, а они на тебя как накинулись. Дед взял пузырёк с ядом, приказал пошлякам открыть тебе рот и из пузырька накапал. А ты не боялся умереть, потому что в этом сне тебя посетило впервые, наверное, разочарование. Вдруг твой собственный дед никогда не любил тебя?

За дверью – шум: там поют и смеются. Корней вышел из комнаты. Мимо пробежали мальчик с девочкой, держась за руки. Они что-то ему прокричали, но он не понял, что. На секунду заглянул на кухню – там тьма людей, но нет её.

Корней спустился на ресепшен. За стойкой сидела пригласившая его девушка, расчёсывала непослушные волосы. У неё были пухлые, добрые руки – казалось, коснутся тебя, и внутри светло станет.

Увидев Корнея, девушка улыбнулась:

– Решили пойти?

– Куда?

– Ну, на квартирник.

– А, да. А вы идёте? – замялся Корней.

– Меня сегодня поставили дежурить, так что, похоже, я буду здесь.

– Ладно, тогда я пойду к себе.

– Хотя нет, подождите, давайте я что-нибудь придумаю. Да, в конце концов, может же быть у меня обед? На часик можно и заскочить. Пошли!

Девушка вышла из-за стойки и повела Корнея обратно на кухню.

– Так вас зовут Корней, верно?

– Да.

– «Муха, Муха-Цокотуха, Позолоченное брюхо! Муха по полю пошла, Муха денежку нашла». У меня хорошая память на имена. Кстати, меня зовут Аня.

– Очень приятно.

– И мне.

Они оказались на кухне. Дым, шум, воздуха нет. Когда собравшиеся заметили Аню, поднялся ещё больший шум: «О-о-о-о!»

– Садитесь, садитесь сюда, – сказал парень, у которого на голове трепетался индейский убор – с перьями и бисером. – Сегодня я – вождь этого квартирника, моё имя Аскук – тот, чьё имя на вечерине будут помнить долго!

Все рассмеялись.

– Аня, кто этот юный горящий факел? Наш новенький? А, новенький! Угрюмый ты! – парень обратился к Корнею. – Раскурим трубку мира?

Корней помотал головой.

– Не курит! – всплеснул руками Аскук, – это хорошо: здоровеньким же должен кто-то помирать.

Молодые люди пили и разговаривали, а над ними, то и дело растворяясь и как бы рождаясь снова, летала муха. Корней её заприметил однажды и всё следил за ней.

– Вы чего, Корней, смотрите туда? – спросила Аня.

– Там летает муха.

– Какая муха? Не вижу ничего.

– Правда, она там есть. Просто из-за дыма плохо видно.

– Верю. Вам не скучно?

– Нет, не скучно, спасибо.

– У нас хорошая компания, вот увидите. Сейчас начнут читать стихи.

И правда, Аскук взобрался на стол и начал декламировать:

Шум и гам в этом логове жутком,

Но всю ночь напролёт до зари,

Я читаю стихи проституткам

И с бандюгами жарю спирт.

– Да слезай ты, бандюга! – закричал какой-то парень и полез обниматься к Аскуку.

Аня произнесла тихо, так, чтобы слышал только Корней, но как будто и не ему вовсе:

Это песня последней встречи.

Я взглянула на темный дом.

Только в спальне горели свечи

Равнодушно-желтым огнем.

– Чего это вы? – спросил недоумённо Корней.

Она улыбнулась и ответила только:

– Ничего.

Кто-то принёс гитару, затянули все вместе сначала «Батарейку», потом Аскук опять ожился, распушил свои перья и глядя на деву, сидевшую напротив него, как на одну-единственную, выхватил гитару и зачитал: «Я не кидал никого никогда, я говорил только «да» иногда...» В припевах Аскуку помогали все: «Ты кидал! Ты кидал! Ты кидал! Да-да!» Аскук потел, перья с него сыпались, он приплясывал заразительно, все ему в такт кивали. После этой песни, Аскук вдруг обратился к Корнею: «Новенький, могёшь чё-нить сбачать?» Корней кивнул и взял гитару, начал перебирать медленно струны, всё громче и громче, а потом запел: «Спроси Неву, ты знаешь, я давно живу...» Его голос медленно растворялся среди подпевающих голо-

сов. Последний припев Корней уже играл молча, прислушиваясь к нестройным голосам и отличая среди них голос Ани.

Пили и бушевали, растаптывали паркет под «The Beatles». Аня тоже танцевала, чуть поодаль от Корнея. Она медленно раскачивалась, держа в руках бокал, с закрытыми глазами, как будто вдыхала музыку, как морской воздух, целительный и успокаивающий. Аня, похоже, почувствовала на себе взгляд Корнея, обернулась к нему и пригласила танцевать, и он, никогда не танцевавший, стал неуклюже перебирать ногами и хлопать в такт музыке. Аня не открывала глаз и улыбалась. И Корнею казалось, что она улыбается ему.

Вполглаза потом играли в монополию. Один молодой человек, обнявши Аскука, зазывал достать «Твистер», но его затею так никто и не поддержал. Музыка играла всё тише и тише, люди начали расходиться по двое. А муха, то появлявшаяся, то исчезающая в кумаре, всё-таки исчезла бесповоротно. Развалившийся головной убор Аскука был передан в знак доброй воли деде, на которую Аскук весь вечер бросал горячие взоры. Отправивши от молодого человека с «Твистером», Аскук приобнимал эту деву и, мирно засыпая, потягивал свою трубку мира.

– Я пойду, наверное, уже, – сказала Аня. – Час мой сильно растянулся, и если об этом узнают, то мне здесь больше не работать.

– Я вас провожу?

– Это очень мило, давайте.

Они вышли из кухни. Аня шла чуть впереди, пошатываясь: «Мне осталось до конца смены часик, а потом домой. Или здесь останусь спать. В тридцать шестой никого не заселили пока». Корней хотел спросить что-то, но передумал, и Аня это заметила.

– Вы, наверное, устали, – вымолвил всё-таки Корней.

– Да, пожалуй, – вежливо ответила она.

– Спасибо за вечер. И вообще, спасибо.

– Доброй вам ночи, Корней.

«А может, всё-таки получится?», – с надеждой спросил себя Корней, ложась в кровать. На окне показалась муха. Корней кивнул ей приветственно.

Тебе многое мерещится. Вот, мерещилась мама. Она стояла в дверях и пересчитывала деньги. Там же, где стояла эта девушка в проёме. Ты боялся приближаться к маме, чтобы не испугать. Ты не хотел её расстраивать?

Ты просто хотел выйти попить воды, умыться, вытереть лицо, вернуться комнату, остаться в комнате, чтобы не совершать ошибок.

Ты посмотрел на дверь, вдруг мама опять появится, но не появилась. Нежной, доброй, но которой страшно рассказать, что творится там, внутри, ей незачем знать, не надо, никому лучше не рассказывать, не подавать виду. Но она там стояла, считала твои деньги! Зачем она это делала? Мама!

Надо перестать думать. Какая ещё мама здесь? Она там, с Полиной и... Боже мой, и это действительно сделал всё ты. Что наворотил-то! Ладно, хватит. Сосредоточься на не думании.

12:49. В дверь постучали. Перед Корнеем стоял восторженный парень.

– День прекрасный! – воскликнул он и полез обниматься, – Корнейка, неужели решился-таки!

– Откуда ты здесь? – трепыхаясь в объятиях, спросил Корней.

– Ты же мне сам вчера ночью позвонил. Забыл, что ли? Али в пьянстве памятью потерялся насовсем?

– Идут тебе бакенбарды, Веня, – вырвавшись из объятий друга, тихо заметил Корней.

– По-пушкински хочу. Чай в Питере живём.

– Ну да, так ты хоть не выглядишь на шестнадцать.

– Ой, мне вечно будет шестнадцать!

Веня вошёл в комнату, огляделся.

– Не прибрано тут у тебя. По-холостяцки, – он достал из своего рюкзака колу и виски. – Посуда есть?

Корней показал на подоконник с нестройным рядом кружек – в каждой по чуть-чуть оставалось воды. Веня подошёл к окну, открыл его, вылил из двух кружек воду, понюхал их и налил сначала виски, а потом колу.

– Ты здесь случаем не ради прелюбодения случайного, а? – спросил Веня, подавая стакан другу. – У вас там на ресепшене сейчас сидит одна – мила, красна... умна, наверно. А ещё, когда меня к тебе провожала, раскраснелась вся и филигранно так навела у меня справочку, кто таков тебе буду. Прелестная, в общем.

– Я не заметил.

– Ах, какой ты, право, Мюнхгаузен! Но только у тебя врать не получается.

После третьей кружки виски с колой Корней уже улыбкой отвечал на витиеватые речи Вени, а на предложение пойти выпить в Эрмитаж, ответил утвердительно-радостно.

– Возьмём за углом ещё бутылку, – планировал Веня, – нальём этого благородного напитку в тару из-под колы. У меня в рюкзаке двойное дно – пронесём тишайше.

Так и порешили. Вышли из комнаты. Корней прошёл мимо Ани, кивнул ей и быстро прошёл мимо, чувствуя затылком, как Аня улыбается ему вслед.

– А ведь верно, она тебя нравится? – Веня посмотрел на друга испытующе. – То-то сермяжишься.

– Дай выпить.

– Пожалуйста.

– Мы на метро поедем?

Веня смолчал. Повернули направо, потом ещё направо, заскочили в шаурмичную-магазин, купили ещё виски и прямо в магазине перелили его в бутылку с остатками колы. Отправились в путь, на Эрмитаж.

– Это тебе не Москва, Корнейка. Здесь почти до всего с полчаса пешим ходом, – сообщил Веня. – Особенно нашим-то, московским ходом. Ты хлебай, хлебай лучше, больше.

Тяжёлое свинцовое небо, приговорённое к вечной хмурости, словно ситце, напитываясь светом, пропускало солнечные лучи. Корню захотелось дышать, отдрожать всей дрожью, что накопилась за семь лет катаний на учёбу, работу, с работы на свидание. Может, вселенная всё-таки даёт второй шанс? Может, ты ещё многое, может, ещё и хорошее можешь?.. Веня превратился в собаку-поводыря, за которым следовал ослеплённый Корней.

– Забери у меня бутылку, а то я вс-с-сю вы-ы-ыпью, – спотыкался Корней.

У касс в Эрмитаже спокойно-строгая женщина в очках с золотистой оправой, подававшая билеты, сказала молодым людям:

– Лучше бы вы с таким амбре, молодые люди, шли гулять куда подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.